

Ольга Пауль

ПЕЛАГЕЯ

12+

Ольга Пауль Пелагея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57127513

SelfPub; 2025

Аннотация

Небольшая повесть, основанная на реальных событиях, о жизни русской деревни в тылу в годы Великой Отечественной войны. Главная героиня – юная девушка, которая знала о войне не только по страшным вестям, приходившим с фронта, но и по тем испытаниям и трудностям, что ежедневно выпадали на ее долю непосильной ношей. Пелагея воплотила в себе главные черты стойкости, мужества и силы духа, а ее поступки порой не уступали подвигам героев, вставших на защиту Родины.

Ольга Пауль

Пелагея

*Посвящается моей бабушке
Иванцовой (Захаровой) Пелагее Михайловне
и всем тем, кто жил и ковал победу в тылу.*

ПЕЛАГЕЯ

В глухой дремотный час бренный мир, пропитанный кусачей январской стужей, был переполнен зыбкой тишиной. Мерклая луна – зависшее в зените немигающее око – освещала сонную беззвучную землю, щедро разливая свой свет на безупречно ровный снежный покров полей. Крадясь, тусклая желтизна светила рассеивалась по одиноко растущим разлапистым елочкам, просачивалась между тонких, заиндевелых от мороза веточек понурых берез, пока не выхватывала две фигуры – девушки и лошади, – между которыми шла неравная борьба. Худенькая девушка, одетая в старый, знавший лучшую пору тулуп, пуховый платок, длинную шерстяную юбку и валенки, тянула за вожжи упрямую лошадь. Изнуренное животное наотрез отказывалось двигаться с места, подтверждая свое неповиновение тихим ржанием. После каждой тщетной попытки девушка снимала прохудившиеся рукавицы и, сунув их в карман, терла друг о дру-

га замерзшие руки, подносила ко рту, дышала на них, пытаюсь хоть как-то согреть. Иногда она резко оборачивалась в сторону леса, прислушивалась и вглядывалась с нескрываемым страхом в леденящий ее юную душу зловещий мрак: время для охоты голодных волков самое подходящее и, выйди хищники сейчас из чащи, легко добудут себе пропитание. В длинных тенях, что отбрасывали величавые деревья от матового свечения луны, девушке мерещился притаившийся зверь, и тело ее охватывала дрожь настолько же от испытываемого ужаса, насколько и от лютого холода, пробиравшегося под старую одежку. Она поднимала с земли вожжи и снова тянула их, пытаюсь увлечь за собой лошадь по снежной дороге, карабкавшейся на высокий угор наезженными следами от полозьев деревенских саней. Но как только натягивались ремни, лошадь настырно мотала головой, отчего девушка едва удерживалась на ногах. В слезной мольбе обнимающая животное за голову, она упрашивала:

– Росинка, милая, не упрямясь. Идем же скорее отсюда.

И на громкое лошадиное фырканье девушка, переставая на миг стучать зубами, тихо добавляла, пытаюсь улыбнуться опухшими губами:

– Там тепло, там еда, там дом. И мама...

Примерно с месяц назад Росинку отдали в распоряжение Пелагее. После того как на фронт призвали подросших мальчишек, на их рабочие места поставили других. Вот тогда-то председатель Степан Федорович Бреньков и сообщил Пела-

гее, трудившейся в то время дояркой, что у нее теперь иная работа.

– Знакомься, – подведя девушку к стойлу, представил председатель шуплую лошаденку, тревожно дергавшую ушами. – Одна из главных помощниц.

Растерянно глядя на животное, Пелагея пролепетала:

– Как звать-то?

– Росинка, кажись, – неуверенно ответил Бреньков и, достав недокуренную самокрутку, добавил: – Давай выводил ее, покажу, как запрягать.

Сильно хромя на левую ногу, председатель ушел, а Пелагея посмотрела с опаской на лошадь, которая с не меньшей настороженностью изучала девушку своими большими темными глазами. Тербя в кармане старого тулупа кусочек сухарика, прихваченного утром с собой, Пелагея никак не осмеливалась близко подойти к животному. Она с интересом рассматривала темно-рыжий корпус, необычные для такого окраса светлые гриву и хвост. С жалостью отметила, как отчетливо выделяются от недокорма ребра на боках лошади, и сильнее сжала сухарик в кармане.

– Ну долго еще, Захарова, ты глазеть на нее будешь? – громко спросил появившийся в воротах конюшни Бреньков. – Наглядишься еще!

Собравшись с духом, Пелагея шагнула к лошади. Животное тревожно зафыркало и затопталось на месте. Девушка протянула руку и осторожно коснулась широкого лба Росин-

ки.

– Тихо, тихо, – вполголоса произнесла девушка, успокаивая и поглаживая лошадь.

Достав другой рукой сухарик, поднесла его к носу животного. Ладонь обдало теплым дыханием, а затем Пелагея почувствовала, как лошадиные губы аккуратно взяли лакомство. Когда послышался хруст, девушка довольно улыбнулась.

Конечно, поначалу не все получалось. Запрячь лошадь оказалось трудной задачей, а Росинка то и дело упрямылась. Однако кроткий нрав и терпение Пелагеи, которая старалась по возможности дать какое-нибудь угощение, сломили своеволие лошади. Очень быстро Пелагея прикипела к Росинке всей душой, и лошадь ответила ей преданностью.

К середине января ударили крепкие и нещадные морозы. Зима, уже давно погрузившая вятскую глубинку в чистые снега, теперь словно решила извести со свету все живое. Каждое утро нежный румянец рассвета торопливо гнал еще сонную, замешкавшуюся на небе ночную тьму, а слепящее ледяное солнце следом резало синий, искрившийся серебряной пылью воздух острыми лучами. Несмотря на наступивший день, молчали птицы, в ветхих будках, свернувшись, жались плотнее в кольцо собаки, пряча носы под мохнатыми хвостами, а ленивые коты мякли на теплых лежанках, даже не помышляя покинуть теплое место. Серые столбы из печных труб казались застывшими, будто приколочен-

ными к блеклому небесному своду. Неподвижно висела окутавшая деревню белая дымка, рассеивая в себе широкие полосы солнечного света и обволакивая цепким холодом всякого, кто шел сквозь нее. И только шумная ребятня, всю дорогу из школы забавлявшаяся в салки и не поддававшаяся кусачей стуже, с веселым азартом рвала тусклое полотно в вязкие клочья.

Но зимний день скоротечен. Пелагея не дыша наблюдала, как по ровной пелене снега, укрывавшего их уголье за домом, разливалась багровая волна, как быстро окрашивались одна за другой снежинки в оттенки заката. Любуясь их волшебным мерцанием, девушка на время забывала про тяготы, что нес каждый день, который наступал для нее задолго до первых лучей; а стоило ей чуть-чуть наклонить голову в какую-либо сторону, как тут же она ловила то тут, то там ярко вспыхивающие огоньки. И в эти короткие мгновения замершее сердце Пелагеи наполнялось такой окрыляющей и хрупкой радостью, что невольно она позволяла себе улыбнуться краешками губ, ощущая в душе безмолвный восторг, который тут же и тяготил девушку – время теперь было совсем не для счастливых улыбок.

Взор ее обратился в сторону леса; облитый уходящим светом зимнего солнца он стал скоро наполняться угольной чернотой. Ничто девушку так не пугало в последнее время, как его неподвижная вечность, наполненная беззвучием, что нарушалась лишь треском сгрызаемых колючим мо-

розом стволов. Долгие и часто ночные переходы, которые приходилось теперь совершать Пелагее, доставляя колхозное зерно за полсотни километров от дома, выматывали не только ее тело, но и дух. Вместе с другими деревенскими детьми и подростками, по воле судьбы взвалившими на свои еще неокрепшие плечи такую серьезную ответственность, она сопровождала загруженный под завязку обоз до приемного пункта, каждый раз цепенея, когда тракт шел вдоль плотной стены лесного массива. Лишь стоило хрустнуть где-то ветке, как девушка тут же, уловив этот звук, вздрагивала и, замедлив шаг, испуганно озиралась. Страх до того натягивал нервы, что Пелагее казалось будто она слышит то ли звон самих звезд, которыми была густо усеяна бесконечность ночного неба, то ли вой учуявших их волков, что несли свой посыл ледяным серебром запутавшейся в ветвях луны.

Чувствуя поблизости хищников, и лошади становились взволнованными и неуправляемыми. Не раз шагавшая рядом с Росинкой Пелагея, сама трясась, хватала за уздечку готовую встать на дыбы кобылу. Глядя по голове свою любимицу, девушка успокаивала ее тихим голосом, и лошадь, громко фыркая и дергая ушами, послушно следовала дальше.

Накануне отправки очередной партии Бреньков отозвал в сторону Пелагею и, откашлявшись, произнес:

– Вот что, Захарова, вверяю тебе ответственное дело – контролировать доставку зерна на приемный пункт. Будешь за главную. Поедешь с этими неугомонными.

Пелагея открыла рот, но председатель опередил:

– И давай, это, без возражений. Некого мне из взрослых послать, сама знаешь. Тут человек сурьезный нужен, а ты, я заметил, девка куда с добром. – Он на минуту о чем-то задумался, но потом вновь оживился: – В общем, ты ответственная в этот раз. Сколько лет?

– Шестнадцать, – чуть слышно произнесла девушка.

– Ну вот, – кивнул председатель, – за старшую и сойдешь.

Пелагея глянула на Росинку и тихо заметила:

– Устают лошади, Степан Федорович.

Председатель угрюмо посмотрел на нее, а затем спросил:

– А люди, по-твоему, не устают?

Девушка опустила глаза.

– Ты мне тут, Захарова, жалость-то не разводи, – горько произнес Бреньков. – Война, знаешь ли... Всем тяжело. А ежели твоя лошадь устает, так сама ей и помогай.

В путь обоз выдвигался вечером. В дороге предстояло провести всю ночь. Умаянные погрузкой, подростки водрузились на набитые зерном мешки. Пелагея убрала за пазуху документы и, оглянувшись, закусила губу. Такая ответственная задача – доставить без малого четыре тонны зерна в целости и сохранности – стояла перед ней впервые. Подбежавшая мать сунула ей краюху хлеба и замороженное еще с утра молоко, которое хранилось в огромном ларе на мосту избы. Хлеб Пелагея спрятала тоже под телогрейку, а молоко положила в угол саней так, чтобы по дороге не потерялось.

– С Богом, – прошептала мать и перекрестила дочь.

Пелагея кивнула, взяла Росинку под уздцы и потянула за собой. С треском и скрипом двинулся следом обоз. Январский мороз щипал лицо, руки мерзли в штопаных рукавицах, но девушка пыталась не обращать внимания на это и бодро шагала вперед. Она старалась думать о своей семье: о брате Николаше, который был годом младше и вот уже с месяц работал на лесозаготовках; о маленьком Володе, которому едва исполнилось восемь, а он уже донимал мать, чтобы та отпустила его в школу учиться. Благо и школа на Мельминой Горе совсем рядом – в километре ходу. Хотя мальчишка был вполне смышленным, мать не пускала:

– Рано еще. – И протягивала ведра: – Ступай за водой.

Володя не перечил, с грустью опускал голову и, гремя старыми ведрами, шел на колодец.

Думала Пелагея и о матери. Мария Петровна виду не подавала, но было заметно, как она сдала, когда отца забрали на фронт. Порой, сомкнув мозолистые руки в замок и прижав их к груди, она смотрела в окно тоскливым взглядом – ожидала своего Михаила. Затем украдкой вытирала краем передника бежавшие по щекам слезы, оглядывалась по сторонам и, вздохнув, возвращалась к работе по дому.

С грустью Пелагея вспоминала отца. Михаила Федоровича забрали на фронт в феврале сорок второго. Скоро год, как семья жила от письма до письма. Писал он нечасто. И эти редкие весточки от отца превращали день в настоящий

праздник. Мать словно оживала. На лице появлялась непривычная ей в последнее время улыбка, а дрожавшие руки прижимали дорогой сердцу треугольничек к груди.

– Спасибо, Варварушка, – шептала Мария Петровна, глядя полными слез глазами на почтальонку. – Вот и еще ты жизнь мне продлила, дорогая.

...Росинка мотнула головой, испугавшись ночного шороха. Пелагея зацыкала, погладила лошадиную голову, и, фыркнув, Росинка снова покорно последовала за своей молодой хозяйкой. К счастью, ночь была светлой. Яркая и холодная луна медленно плыла по безоблачному небу, сопровождая обоз. Пелагея оглянулась. Давно скрылась из виду деревня, теперь всюду была ночная тьма, лишь белели крутые угоры. На следующих за ее санями подводах шутили и смеялись, понукая фыркающих лошадей.

Девушка переняла уздечку в другую руку. Мороз стоял сильный, а пройдено еще так мало.

– Пелагея, – услышала она, – ты чего в сани не садишься? Умаешься – председатель шкуру с нас снимет!

– Не замерзла я, – постаралась бодро ответить Пелагея. – Устану – так и сяду!

На пункт сдачи груза обоз прибыл утром. Зимнее солнце еще только начало золотить край горизонта. Место приемки было недалеко от железнодорожного вокзала: грузить в вагоны ближе. Завидя длинный ряд, приунывшая Пелагея соскользнула с саней и, вновь подхватив Росинку под уздцы,

подвела ее к последней в очереди подводе. Оставив сани, девушка пошла вдоль своего обоза – проверить, всё ли в порядке. Уставшие за ночь, подростки кемарили на мешках.

– Лида, Гриша, – по очереди тормошила Пелагея ребят. – Не спите, сони, заколеете.

Потом широким шагом пошла обратно. Замедлила ход около саней четырнадцатилетнего Саньки Макарова, идущего в обозе вторым, и, убедившись, что паренек бодрствует, направилась к Росинке. Однако, проходя мимо Каштана, большого племенного жеребца, вверенного Саньке, она резко остановилась. Беспokoйный молодой конь, закусив зубами край лежавшего на ее подводе мешка, пытался порвать его.

– Санька! – вскрикнула Пелагея.

Парень тотчас же оказался рядом. Ухватив уздцы и ругаясь, постарался оттащить коня в сторону. Обиженный Каштан тихонько заржал, замотал головой и зажевал удила.

– Что ж ты делаешь-то, бестолошный? – выбранил Санька, смело унимая жеребца. Потом повернулся к девушке, осматривавшей мешок: – Ну что тамока?

– Не порвал, – покачала головой Пелагея. – Гляди за ним!

Она вернулась к Росинке и, достав из-за пазухи хлеб, поделила пополам. Кусочек, что получился побольше, она скормила любимице и уже приготовилась съесть свой, как услышала ворчание впереди:

– Экий пужало! – недовольно приговаривала грузная жен-

щина, подходя к саням, что стояли перед Пелагеей. – И откуда он взялся этта? – Затем заметила смотревшую на нее девушку: – Лико, молодежь прибыла, – улыбнулась она. – Байкаловцы? Я вас запомнила.

Пелагея улыбнулась в ответ, убрав хлеб в карман. Женщина хмуро глянула в конец очереди, что уже пополнилась новым обозом, а затем снова на Пелагею и возмущенно продолжила:

– Нынче опять этот полюд недовольный. – Она натянула поводья своей взволновавшейся лошади: – Ну-ну, милая, угомонись. – И вновь обратилась к Пелагее: – Все-то ему не ладно! И какого ляда человеку надо?

– Снова ругается? – спросила Пелагея, догадываясь, о ком речь.

– Да он, изверг, поди, кажинный день ругается, – махнула рукой женщина. – Зудится у него, верно, что-то. Пусть главный ваш проверит все и заранее бумагу приготовит.

Пелагея испуганно сжала в руках вожжи и пролепетала:

– А мы сами сегодня. – И, показав накладную, добавила: – Я обоз привела.

– Тогда накажи своим, чтобы не перечили ему, – серьезно посоветовала женщина. – Баб вон почем зря хаит. Ишо не хватало, чтобы на робятах сорвался.

Пораздумав и снова оставив Росинку, Пелагея пошла предупредить ребят, но за своими санями резко остановилась. Сердце ее так громко застучало, что девушка приложила к

груди руку. Широко раскрытыми глазами она смотрела на небольшую горку зерна на снегу – упрямый Каштан все же порвал мешок.

– Санька!

Тот появился не сразу. Опустил сонный взгляд и увидел и порванный мешок, и высыпавшееся зерно.

– Эй! – окрикнул их десятилетний Гришка, чьи сани стояли за Санькиными. – Чего мешкаете? Очередь-то сдвинулась!

Пелагея оглянулась: и впрямь пора было Росинку вести вперед. Потом снова обратила взгляд на зерно.

– Вот что, – нарушил молчание Санька, – бери Каштана и иди первой. Я поведу твою подводку сам.

– Нет, – поразмыслив, ответила девушка и протянула ему накладную. – С Каштаном веди обоз, а я покамест соберу зерно в мешок.

Санька спорить не стал, сердито потянул за поводья коня в сторону и, полуобернувшись, крикнул:

– Давай все за мной!

Пелагея проследила за теми, кто проехал мимо, и, затаив дыхание, боязливо подумала о весовщике, недовольный голос которого вдруг стал ясно слышен ей среди прочих дневных звуков. Был он мужчиной средних лет, невысоким, коренастым, с неприятной наружностью. Неприятен он был не столько из-за шрама, который обезобразивал и словно делил правую половину его красного лица надвое, и не из-за

надменной ухмылки, которая, появляясь на толстых губах, заставляла «оживать» этот шрам и прятаться, будто затаиваться, в глубокой складке на щеке. Пелагея подозревала, что мужчина был нечист на руку, ибо не раз видела, как весовщик, узнав, что в обозе есть одежда, велел разгружать эти сани в первую очередь, дотошно выведывая, в каком мешке что лежит. С той же ухмылкой распорядился, какой мешок куда поставить. Пелагее становилось обидно: кому-то были так необходимы сейчас теплые вещи и обувь. И догадка, что мужчина – бессовестный обманщик, вызвала еще большую неприязнь. За невежливостью и порой даже хамством весовщика угадывались хитрость, подлость и трусость.

Но вот что по-настоящему пугало девушку, так это его глаза. Белесо-голубые, почти бесцветные, пустые, они зорко следили из-под нахмуренных густых, темных бровей за каждым движением разгружавшего сани. Ястребиный взгляд улавливал малейшую, даже самую незначительную провинность, и грубые оговоры не заставляли себя ждать. Однако при виде молодых девушек весовщик менялся: был щедр на слащавую вежливость, не скупился на красивые слова и как-то странно причмокивал при этом губами, пытаясь еще и улыбаться. Но девушки лишь боязливо хлопали глазами, избегая любого общения с ним. Такое поведение оскорбляло весовщика, и он срывал свою злобу на всех, кто разгружался следом, вступая в перебранки со стариками и пугая криками детей.

Пелагея всегда старалась работать быстро, не глядя на мужчину и не вступая с ним в разговоры. На помощь ей часто приходил хмурый Санька и, словно заслоняя девушку от жадного сверкающего взора, сам спешно таскал мешки на весы. Уж больно не нравилось пареньку, как нехорошо прищуривал один глаз весовщик, наблюдая за Пелагеей, как дергались его губы, будто не зная, улыбнуться им или скривиться в усмешке, чем оживляли глубокий шрам, который то притаивался в складке на щеке, то вновь устрашающе резал ее пополам.

Пропустив свой обоз вперед, девушка стала сгружать мешки, что лежали поверх порванного, с отчаянием замечая, что при каждом движении из него продолжало потихоньку высыпаться зерно. Добравшись наконец до нужного мешка, ухватила за углы и с трудом перевернула его набок, чтобы дыра оказалась сверху. Тяжело дыша, присела на край саней, глядя на мешки, что лежали на снегу. Страх, уныние и ощущение того, что силы покидают ее, вдруг вырвались горячими слезами. Но надо было возвращать мешки в сани. Схватив первый, вдруг с удивлением отметила, что он легкий. Девушка подняла глаза и увидела крепкую старушку, державшую противоположный край куля. Когда мешок погрузили, старушка шумно выдохнула и, качая головой, сказала:

– Ну ты, девка, даешь! Эдакую-то тяжесть верехать! То с саней, то на сани. Ошалела?

Пелагея вытерла тыльной стороной руки лицо и ответила:

– Мне конь мешок порвал, – и она указала на прореху. –
Зерно высыпалось.

Старушка обошла подводу и глянула на аккуратную горочку на земле.

– Экий вражина, – хмыкнула она. – А смотрящий где?

Пелагея всхлипнула:

– Я сама сегодня.

– Ну полно воду разводить, – строго пресекла старушка. –
Твой обоз тамока?

Девушка кивнула.

– Смотри, скоро разгружаться будут. Давай-ка пособилю тебе, да нагоняй их.

Они вернули оставшиеся мешки на сани. Потом старушка, ослабив узел пухового платка, стянула с себя тонкий, ситцевый, и протянула Пелагее.

– На-ка, зерно в него собери. Да не страшись, поди, оболтаешь этого дурня.

Девушка быстро, собирая пригоршнями драгоценный груз, заполнила платок. Связала концы платка меж собой и, прижав к себе, произнесла совсем сухими губами:

– Спасибо.

– Ступай, милая, – улыбнулась ей старушка. – Ступай.

Пелагея наблюдала, как пустые сани из ее обоза выстраивались в ряд, а Росинка была все ближе к весам. Вздрыгнув от очередного крика весовщика, девушка положил платок с зерном в угол саней, намереваясь достать его в последнюю

очередь.

Наконец и ее подвода была готова к разгрузке. Подоспевший Санька хотел помочь, но Пелагея остановила:

– Веди обоз домой. Я догоню.

Санька бросил беглый угрюмый взгляд на весовщика, а потом шепнул Пелагее:

– Фашист он.

Она быстро закрыла ему ладонью рот.

– Уводи их, – мотнула девушка головой в сторону своего обоза.

– Почему, красавица, медлишь? – услышала голос весовщика.

Она оглянулась на него и невольно вздрогнула. Посмотрела вслед уходившему и постоянно оглядывавшемуся Саньке. Потом схватила за углы первый мешок и потащила к весам.

В это время на станцию прибыл военный эшелон. С громким гудком, выпуская в небо клубы черного дыма, паровоз лениво тащил за собой деревянные вагоны-теплушки, в открытых дверях которых стояли солдаты. Состав еще не успел остановиться, а они уже, переговариваясь и смеясь, высыпали на перрон и задымили папиросами.

Пелагее, совсем ослабевшей от голода и от усталости, еле-еле хватало сил стаскивать тяжелые мешки с саней.

– Чего это ухажер твой на помощь не идет? – пристально следя за ней, с усмешкой поинтересовался весовщик.

– Сама управлюсь, – ответила девушка, водрузив очеред-

ной мешок на весы.

Зыркнув по сторонам и убедившись, что прибывшие с другим обозом бабы заняты болтовней, мужчина подошел ближе, и Пелагею обдало резким запахом мужского пота и лука (в кармане полушубка весовщика всегда был лук, порой мужчина откусывал его, объясняя это пользой для здоровья). Девушка отошла к саням.

– А вот попросила бы меня, – елейным голосом произнес весовщик, – я бы помог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.